

взрыв. Москва, 1992. – С. 219-226.

6. Руднев, В.П. Культура и сон // Даугава. – 1990. – № 3. – С. 121-124.

7. Сон как треть жизни человека, или Физиология, патология, гигиена и психология сна / = Физиология, патология, гигиена и психология сна / [Соч.] М.М. Манасеиной, почет. чл. О-ва врачей Вост. Сибири в г. Иркутске. – Москва: «Рус. типо-лит.», 1892. – 22 с.

8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Письма: в 12 т. – Москва: Наука, 1974–1983.

А.А. Тюняева
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: д.филол.н., профессор Г.П.
Козубовская

МИФОПОЭТИКА МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ПОЭЗИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Поэтика музыкальных инструментов – часть большой проблемы «М.Ю. Лермонтов и музыка», разрабатываемой преимущественно в аспекте музыкальности поэта – музыкальных произведений, написанных на стихи Лермонтова.

Системного исследования мифопоэтики музыкальных инструментов в творчестве Лермонтова на сегодняшний день нет.

Рассмотрение поэтики музыкальных инструментов в творчестве Лермонтова (выяснение их семантики, историко-культурных смыслов и функции) позволит в перспективе уточнить лермонтовскую концепцию музыки.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, мифопоэтика, музыка, музыкальные инструменты, двойничество, арфа, барабан, гусли, семантика

Проблема «Поэзия и музыка» неисчерпаема; мифопоэтические исследования (такие, как Л. Гервер «Миф и музыка» [3, 4], Б. Мейлах «Поэзия и миф» [13] и др.) открывают новые перспективы. Работы Т. Цивьян [15] и И. Заруцкой [8], посвященные мифопоэтике музыкальных инструментов, являются базовыми для нашего исследования.

В изучении проблемы «Лермонтов и музыка» обозначились полюса: с одной стороны, акцентируется биографический материал, освещающий некоторые страницы биографии поэта, его музыкальные вкусы и пристрастия с опорой документальные источники (см., например: И. Эйгес [16]), с другой – рассматриваются музыкальные произведения, созданные на стихи Лермонтова [7]. Обобщающий характер носит статья А.А. Гозенпуда, помещенная в Лермонтовской энциклопедии, обозначая некоторые грани проблемы [5].

Мифопоэтика музыкальных инструментов – мало исследованная проблема в отечественной науке. Здесь пока еще не накоплен эмпирический материал: есть отдельные работы, посвященные И. Анненскому, В. Маяковскому, С. Есенину; в выпускных работах студентов АлтГПУ (М. Шевченко, В. Филькина, О. Удовицкой и др.) рассматривается поэзия А. Ахматовой, М. Цветаевой, А. Тарковского в указанном аспекте.

Востребованность изучения поэтики музыкальных инструментов в русской поэзии определяет актуальность нашей работы.

Системного исследования поэтики музыкальных инструментов в творчестве Лермонтова на сегодняшний день нет.

Появление музыкальных инструментов в его творчестве представляется неслучайным. Играющий на скрипке и на фортепиано поэт упоминает об этом в заметке 1830 года: «Музыка моего сердца была совсем расстроена нынче. Ни одного звука не мог я извлечь из скрипки, из фортепьяно, чтоб они не возмутили моего слуха» [11, с. 387].

Музыкальные инструменты в поэзии Лермонтова (арфа, лира, гусли, барабан, труба и др.) – часть идеального мира, созданного в воображении поэта. Именно историко-культурная семантика музыкальных инструментов во многом формирует романтический мир поэта.

Арфа. Арфа – один из древнейших в мире музыкальный инструмент, богиня струнных инструментов. В культуре арфа является воплощением чистоты звука и наделяется функцией миротворения. Изначально арфа была мужским инструментом, как, впрочем, и другие. Возможно, это связано с одной из легенд о ее происхождении: арфа – превращенная в музыкальный инструмент дева, страдающая от безответной любви В древних легендах арфа была проводником в таинственные невидимые миры [1].

А. Гозенпуд определяет литературные истоки лермонтовской арфы: это романы В. Скотта, поэзия В.А. Жуковского [5, с. 314]. В традиции русской литературы образ арфы востребован и многогранен.

В стихотворении Лермонтова «Наполеон» (1829) арфа выполняет функцию посредницы между мирами: настоящим, осязаемым, реальным, и потусторонним, замогильным – миром, в котором живут тени и обитает прошлое. Традиционную элегическую тематику Лермонтов разворачивает по-своему: в сюжете арфисту («... Он арфу взял, запел, ударил в струны...» [10, т. 1, с. 82]) является тень Наполеона. Тень, восставшая из небытия, изгоняет певца, утверждая ненужность памяти («Мне все равно: в могиле вечно ночь – там нет ни почестей, ни счастья, ни рока!» [10, т. 1, с. 83]). В финале стихотворения появляется образ разорванных струн («И струны лопнули...» [10, т. 1, с. 83]) – символическое обозначение иллюзорности и невозможности воссоединения двух, вечно соседствующих миров.

В стихотворении «Желание» (1831) арфа символизирует свободу, вечное неограниченное ничем движение жизни. Музыкальный инструмент для лирического субъекта в этом стихотворении существует лишь в мечтах: нездешняя душа томится в «чужом» мире. В метафорике полета – запечатление вечной устремленности в недостижимое «там», до которого герою не дотянуться, не

долететь и не добежать: «И арфы шотландской струну бы задел, и по сводам бы звук полетел...» [10, т. 1, с. 203]. Музыкальный инструмент не может преодолеть границы между мирами, звук замирает в пространстве. Арфа при этом вносит определенный «исторический» колорит: арфист ассоциируется с последним потомком отважных витязей, с «последним сын вольности», гибнущим в этом мире.

И.И. Грибушин устанавливает связь стихотворения «Арфа» (1830 или 1831) с «Эоловой арфой В.А. Жуковского, восходящей к поэзии Оссиана [6, с. 39].

Музыкальный инструмент вынесен в заглавие, что акцентирует внимание читателя на значимости его символики, для понимания не только контекста и смысла данного стихотворения, но и всей ранней поэзии Лермонтова в целом. Мотив ранней смерти молодого певца, обыгранный в поэзии Жуковского и молодого Пушкина, сопряжен с гипотетической ситуацией присутствия его как тени в здешнем мире: певец просит некоего друга взять в руки арфу: «Когда друзья молодые на пирах / Меня не станут поминать вином, / Тогда возьми простую арфу ты, / Она была мой друг и друг мечты» [10, т. 1, с. 156]. Арфа становится посредницей между мирами, находясь все же в реальном мире. Отвечая ветру, она звучит, вобрав в себя голос певца, открывая сокровенное, тайны души ушедшего певца слушающим. Она почти оживает («... И чтоб ему ответила она / Хоть отголоском песен прошлых дней» [10, т. 1, с. 157]), обретая некое физическое обличье и память, она – хранительница прошлого. Но становясь двойником поэта, она остается непробужденной, если к ней прикасается рука возлюбленной. Согласно древним представлениям, арфа начинала звучать только от рук наделенных волшебным даром.

Гусли – символ музыкальной души, гармонии взаимоотношений между людьми и искренностью в проявлении эмоций.

Впервые слово «гусли» встречается в «Новгородской летописи» в 1068 году. Очевидно, что духовые и ударные инструменты используются в ратном деле: певцы-сказители игрой на гусях поднимали дух воинов [2, 17].

Гусли звучат в руках богатырей Добрыни Никитича, Ставра Годиновича, Алёши Поповича, Дуная Иваныча, Чурилы Пленковича, Соловья Будимировича и купца Садко. Мотив игры музыканта, завораживающей природу, включая персонифицированную водную стихию встречается не только в славянском эпосе (греческий миф об Орфее) [17].

Гусли у Лермонтова сохраняют символизм родных корней, славянской истории, мудрости.

В стихотворении «Песнь Барда» 1830 года написания лирический субъект – бард – возвращается на родину после длительных странствий: «Я долго был в чужой стране» [10, т. 1, с. 136]. Вернувшись на родину, он «былую песню заиграл» [10, т. 1, с. 136]. Но убеждается в ненужности своей песни и утрате дара владения миром. Согласно поверьям и сказкам славянских народов с помощью игры на гусях можно управлять силами природы, влиять на погоду и смену времен года. Кроме того, игру на гусях издревле связывали с невероятной мудростью и величием сказителя, который, передавал опыт молодым поколениям посредством сказаний, аккомпанементом для которых было звучание гуслей. Существующей

внутри текста реальности, певец уже не всезнающий демиург, распространяющий истину по земле, а непонятый скиталец. Окровавленная трава, брошенные кости – таков теперь мир его родины. «Сын цепей» не отзовется на умирающий звук «дрожавшей струны». В последнем стихе певец ломает гусли: «На землю гусли бросил я / И молча раздавил ногой» [10, т. 1, с. 136]. Этот жест символизирует принятие существующей реальности через страдание и понимание того, что романтический идеал – мир фантазий – недостижим.

Музыкальный инструмент помогает созданию символического смысла: лирический герой – гуслияр – вариация романтического лирического героя.

Барабан.

Барабан – самый древний музыкальный инструмент. Подобно большинству музыкальных инструментов, он наделяется функцией посредничества между землей и небом. В древности барабаны сопровождали восход солнца [14].

«Русские барабаны» пришли из Золотой орды. Барабан приобрел функцию военного инструмента, задающего ритм в марше и поднимающего боевой дух в сражениях (в России со времен Петра I) [14].

Барабан – военная реалия в таких стихотворениях Лермонтова, как «Поле Бородина» и «Бородино».

В «Поле Бородина» Барабаны тождественны петуху, своим пением окликающего наступление нового дня. Барабаны пограничны: они на стыке ночи и дня: «Пробили зорю барабаны» [10, т. 1, с. 166]. В контексте стихотворения функция барабанов знак отступления противника и функция – поднимать боевой дух солдат, измученных боями: «И батареи замолчали, / И барабаны застучали» [10, т. 1, с. 167].

В стихотворении «Бородино», представляющем собой «ролевою» лирику, звучание барабанов отмечено особым глаголом, выражающим народную точку зрения: «Вот затрещали барабаны – / И отступили бусурманы» [10, т. 2, с. 13]. Оригинален глагол – так воспринимает звук барабанов измученный войной солдат. Звук барабанов отмечен переломный момент в войне: звук вовсе не победный, а заключающий в себе долгожданный исход. Наименование французов придает разговорность описанию и расширяет пространственно-временные рамки стихотворения, возводя ситуацию войны 1812 года к архетипу: вековые враги русских наделены татарским именем, возвращая к давним временам татарского ига. Так называли в России представителей иной веры, неправославных.

Важно отметить, что этот военный музыкальный инструмент появляется у Лермонтова в переломные, решающие моменты. Часто это сопряжено с отступлением врага, предвкушением победы. С точки зрения звукописи наличие барабанов в стихотворениях «Поле Бородина» и «Бородино» способствует ритмизации, что способствует воодушевленной декламации стихотворений. Но этот звук несет в себе смысл ударов сердца.

Г.П. Козубовская обратила внимание на то, что в стихотворении «Воздушный корабль», связанном с наполеоновским циклом, молчащий мир сопровождает пробудившегося от вечного сна Наполеона: есть только голос императора, гаснущий в пустоте. Барабанщик остался в первоисточнике (стихотворение – вольный перевод австрийского поэта Й.-К. Зейдлица “Das

Geisterchiff» («Корабль призраков»), Лермонтов опустил «физиологические» детали («руки без мяса» у барабанщика, на это указал Б. Эйхенбаум [12, с. 216]). Молчание у Лермонтова многозначно: в нем «обреченность на вечную кару, несение креста, неискупленность преступлений сосуществуют с выстраданностью и очеловеченностью через страдание» [9, с. 322].

Итак, музыкальные инструменты демонстрируют в разной степени своеобразное свое двойничество с лирическим героем. Так, арфа обнажает несводимость миров – здешнего и потустороннего, становясь водительницей в иные миры. Затоптанные гусли – недостижимость идеального мира. А барабан как военная реалья соединяет в своем звучании ритмы победы и биение сердца.

Наблюдения над поэтикой музыкальных инструментов и выявление историко-культурных смыслов, заключенных в них дают возможность обнаружить, как создается объемность поэтического текста даже в ранней поэзии.

Исследование музыкальных инструментов в поэзии Лермонтова позволит уточнить общую картину динамики поэтического мира поэта, которая до сих пор остается непроясненной.

Использованная литература

1. Белан-Черногор Л. Арфа – волшебный инструмент. – Сайт <https://proza.ru/2021/02/15/1712> (дата обращения: 14. 12.2025).
2. Волков Д.В. Ранние традиции игры на гуслиях и современный статус инструмента // Человек и культура. – 2019. – № 5. – URL:https://nbpublish.com/Нbrary_read_article.ptp?id=30847 (дата обращения: 14. 12.2025).
3. Гервер Л.Л. К проблеме «Миф и музыка» // Труды ГМПИ им. Гнесиных. – 1992. – Вып. 118. – С. 7–21.
4. Гервер Л.Л. Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов. – Москва: Индрик, 2001. – 248с.
5. Гозенпуд А.А. Музыка и Лермонтов // Лермонтовская энциклопедия. – Москва, 1981. – С. 313-321.
6. Грибушин И.И. «Арфа» // Лермонтовская энциклопедия. – Москва, 1981. – С. 39.
7. Данилова Н.Ю. Лермонтов и музыка // Журнальный клуб Интелпрос » Acta eruditorum » №12, 2013. – URL: <https://feb-web.ru/feb/lermont/critics/rhg/rhg-143-.htm> (дата обращения: 14. 12.2025).
8. Заруцкая И.Д. Музыкальные инструменты в мифологических представлениях восточных славян: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.02. – Москва, 1998. – 23 с..
9. Козубовская Г.П. Поэтика баллады М.Ю. Лермонтова: жанровый архетип // Универсалии русской литературы 6. Сборник статей. – Воронеж: ООО ИПЦ «Научная книга», 2015. – С. 312-323.
10. Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: в 2 т. – Ленинград: Сов. писатель, 1989.
11. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. – Москва: ГИХЛ,

1958. – С. 387.

12. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. – Москва; Ленинград: Academia, 1936. – С. 216 (автор прим. – Б.М. Эйхенбаум).

13. Мейлах М.Б. Поэзия и миф. Избранные статьи (3-е изд.). Языки славянских культур, 2024. – 1104 с.

14. Мищенко С. Барабаны на Руси в период XIII-XVII веков. Сайт: https://dennisdrums.com/2019/07/russian_drums/ (дата обращения: 14. 12.2025).

15. Цивьян Т.В. Музыкальные инструменты как источник языковых реконструкций // Цивьян Т.В. Язык: тема и вариации. Кн. 2. Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. – Москва: Наука, 2008. – С. 24-38.

16. Эйгес И. Музыка в жизни и творчестве Лермонтова // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Москва: Изд-во АН СССР, 1948. – Кн. II. – С. 497-540. – (Лит. наследство; Т. 45/46). – URL: <https://feb-web.ru/feb/litnas/texts/145/145-497-.htm> (дата обращения: 14. 12.2025).

17. Усков А.С. Традиционные музыкальные инструменты в историко-культурном и символическом контекстах: на примере русских гуслей: 24.00.01 – Теория и история культуры: дис. ... канд. культурологии. – Москва, 2010. – 245 с.